

Секерина Маргарита Александровна

**МЕТАДИСКУРС КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕФЛЕКСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА
НАД ДИСКУРСОМ ОБ ИСТОРИИ РОССИИ**

В статье обосновывается выделение метадискурса – вербального воплощения коллективной рефлексии над антинонимичной природой дискурса об истории России. Дискурс об истории России рассматривается как объектный дискурс – когнитивное единство, конституируемое гетерогенными дискурсивными практиками. Определяются природа, компоненты и функции коллективного метадискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Изотов А. И.** Система полных причастных форм чешского литературного языка в сопоставлении с русскими // Славяноведение. 1994. № 1. С. 50-59.
5. **Изотов А. И.** Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 24 с.
6. **Изотов А. И.** Об асимметрическом дуализме формы и содержания полных причастий современного чешского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1992. № 6. С. 34-39.
7. **Изотов А. И.** Особенности концептуализации авторитарного побуждения в русской и чешской языковых картинах мира // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 4. С. 17-22.
8. **Изотов А. И.** Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №11. С. 78-83.
9. **Изотов А. И.** Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 40 с.
10. **Лем С.** Солярис. М.: АСТ-Астрель, 2010. 256 с.
11. **Barnetová V., Běličová-Křížková, Leška O., Skoumalová Z., Straková V.** Русская грамматика. Praha: Academia, 1979. 1094 s.
12. **Chwatow S., Timoszuk M.** Słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa: 2005, 654 s.
13. **Lem S.** Solaris. Warszawa: Biblioteka Gazety Wyborczej, 2008. 240 s.
14. **Příruční mluvnice češtiny** / ed. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha: Lidové noviny, 1995. 800 s.
15. **Uniwersalny słownik języka polskiego**: w 6-u t. / pod red. prof. S. Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003.

“GERUNDIVE” CONSTRUCTIONS AND PROBLEMS OF POLISH-RUSSIAN EQUIVALENCE

Samsonov Vladimir Vyacheslavovich
Moscow State Pedagogical University
w.samsonow@gmail.com

The author considers the category of the Polish verbal nouns with the meaning of action, structurally, semantically and functionally correlated with gerund, traditionally distinguished in the European grammars, and problems of Slavic equivalence in the sphere of constructions with concerned forms; and suggests the ways of nominalizations translation from Polish into Russian at the level of complex syntactic unit, where there is complete or partial coincidence in the meanings reproduced by the author.

Key words and phrases: gerund; verbal noun; nominalization; comparative grammar of Slavic languages; functional-semantic equivalent.

УДК 81.0

Филологические науки

В статье обосновывается выделение метадискурса – вербального воплощения коллективной рефлексии над антиномичной природой дискурса об истории России. Дискурс об истории России рассматривается как объектный дискурс – когнитивное единство, конституируемое гетерогенными дискурсивными практиками. Определяются природа, компоненты и функции коллективного метадискурса.

Ключевые слова и фразы: метадискурс; метадискурсивная рефлексия; метадискурсивные высказывания; прагматика; интердискурсивное взаимодействие.

Секерина Маргарита Александровна, к. филол. н.
Восточно-Сибирская государственная академия образования
mseckerina@yandex.ru

МЕТАДИСКУРС КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕФЛЕКСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА НАД ДИСКУРСОМ ОБ ИСТОРИИ РОССИИ[©]

Дискурс об истории России как речедетельностная система представляет собой объектный дискурс: когнитивное единство, конституируемое на сновании референции к социокультурно значимому объекту внеязыковой реальности (истории России), эксплицируемое дискурсивными практиками как модусами осуществления (вербализации) данного феномена. В этом аспекте под дискурсивной практикой (ДП) понимается исторически устоявшийся специфический способ организации речевой деятельности, направленной на интерпретацию (концептуализацию и репрезентацию) определенного внеязыкового объекта, «способ говорения» о нем.

Дискурс об истории России структурируют гетерогенные, с социокультурной точки зрения, дискурсивные практики: *дисциплинарный исторический дискурс* (совокупность научных дискурсивных практик), *политический дискурс* (совокупность политических дискурсивных практик: от исторического нарратива в предвыборном дискурсе до государственного исторического дискурса, манифестирующего в государственной символике,

топонимике, образовательных программах), *художественный* (креативный, творческий) *дискурс*, *медийный* (от исторических ток-шоу до рекламных текстов), *религиозный* и др. Все вышеназванные «способы говорения» об истории России (*научный, художественный, политический, медийный, религиозный* и др.) являются легитимными (общепризнанными), однако в составе объектного дискурса дискурсивные практики находятся в состоянии перманентной борьбы за признание определенного способа концептуализации и репрезентации российской истории в качестве аутентичной представляемому объекту, «борьбы за право на дефиницию» [3, с. 378].

Перманентный семантический дисбаланс является конститутивным свойством объектного дискурса и при условии сохранения принципа иерархии дискурсивных практик запускает механизмы его развития: появление альтернативных практик, восполняющих социокультурно значимые «пробелы в интерпретации» внеязыкового объекта, процессы институализации, легитимации и маргинализации дискурсивных практик.

Поскольку легитимные ДП конкурируют за доминирующее положение в иерархии объектного дискурса, за возможность детерминировать субъекта, последний вынужден конструировать свою идентичность ««сквозь» множество противоречивых и часто антагонистических дискурсов» [13, с. 188]. Процесс ориентации в пространстве дискурсивных практик сопровождается рефлексией субъекта, направленной на объектный дискурс в целом как на специфический инструмент познания внеязыковой предметности. «Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае - как некую практику, которую мы им навязываем...» [14, с. 80]. Воспринимающий субъект, как правило, осознает «дискурсивную специфичность» различных репрезентаций некоторого внеязыкового феномена, в частности, российской истории: прагматические смыслы дискурсивных практик оцениваются реципиентом как коннотации по отношению к денотативному – «объективному» смыслу исторических фактов. Дискурсивная обусловленность исторического познания всегда рефлексировалась коллективным сознанием, поскольку историография в России – это, прежде всего, «археология политики»: история смены типов государственности (вспомним популярное высказывание М. Н. Покровского: «История есть политика, обращённая в прошлое» [17]). Однако в последние десятилетия экспликация этого процесса протекает наиболее интенсивно. Это связано с усиливающимся плюрализмом дискурсивных практик, структурирующих дискурс об истории России: становятся неопределёнными понятия «легитимности» и «маргинальности», теряется понятие «центра», что может осознаваться социокультурным сообществом как потеря «целостности» «картины российской истории». Современная ситуация плюрализма дискурсивных практик обусловлена рядом причин. Во-первых, методологическим кризисом в европейской историографии в целом («новая» философия истории: Ф. Р. Анкерсмит, Х. Уайт, А. Данто и др.), возникшим в последней трети двадцатого века вследствие «постмодернистского вызова», «лингвистического поворота» и выразившимся в недоверии к «историческим метанарративам». Наиболее эффектно этот процесс охарактеризовал американский философ Нельсон Гудмен: «Как ров с водой покрыт зимой толстым слоем льда, так прошлое покрыто толстой корой нарративных интерпретаций, и исторические дебаты всегда есть дебаты о компонентах этой коры, а не о самом прошлом, спрятанном под ней» [цит. по: 1, с. 59]. Во-вторых, с глобальными социальными изменениями, произошедшими в России за короткий по историческим меркам срок. Как отмечает В. И. Уколова, «увлечение “вариативностью”, “альтернативностью” истории, попытки освободить ее от догматизма, связанного с многолетним господством марксистской парадигмы, привели к тому, что Россия оказалась страной “с непредсказуемым прошлым”, а многие исторические эпохи “изменили лицо”» [11, с. 5]. В-третьих, в силу социокультурных причин мерой энтропии (понимаемой как допустимая степень неупорядоченности системы; предел беспорядка, дисбаланса в системе, не нарушающий когерентности ее элементов) дискурса об истории России являются «консервативные» исторические дискурсы, которые служат «онтологическому обоснованию устоявшегося политического режима» [9]. В частности, таковым является «советский» исторический дискурс, а также предшествовавший ему «имперский» исторический дискурс. Доминирующее положение в иерархии «консервативного» исторического дискурса занимают политические ДП (государственный исторический дискурс), на правах гегемонии синхронизирующие систему объектного дискурса, продуцируя определенную концепцию истории государства и легитимируя те дискурсивные практики, которые ее воспроизводят. Антагонистические по отношению к доминирующим дискурсивные практики («критический исторический дискурс») – маргинализуется. Разрушение иерархии дискурсивных практик, свойственной «консервативному» историческому дискурсу, усиливает энтропию в дискурсивной системе, утверждая равнозначный статус ДП, порождающих амбивалентные смыслы (так называемые «большие вопросы российской истории»: «“Великая октябрьская социалистическая революция” или “большевистский переворот”?», «СССР: развал или распад?», «Является ли Николай II виновником или жертвой?», «Адмирал Колчак: палач или патриот?», «Кто был Сталин: злодей или гений?», «Александр Невский – национальный герой или предатель?» и т.п.).

Регулирующим механизмом, предохраняющим дискурсивную систему от дезорганизации, средством нейтрализации «деструктивных сил», «центробежной силой» объектного дискурса является метадискурсивная рефлексия. Метадискурсивная рефлексия (от греч. *meta* – между, после, через) является качественной рефлексией, поскольку осуществляется не в рамках определенного строя дискурса (становление альтернативных практик в дискурсе-строе можно рассматривать как количественный способ совершенствования дискурсивного механизма взаимодействия языкового коллектива с социальной действительностью), а в интердискурсивном пространстве. Субъект метарефлексии детерминирован дискурсивной системой в целом и действует как представитель «коллективного интеллекта» – неограниченного определенной практикой и историческим временем дискурсивного сообщества (своего рода метасубъект). Можно предположить, что носители языка обладают не только метаязыковым [4], но и метадискурсивным сознанием, направленным на постижение дискурсивной природы имеющейся в их распоряжении социокультурной информации.

Объектный дискурс антиномичен по природе, поскольку конституирующие его дискурсивные практики «стягивают» воедино разновременные парадигмы культурного бытия» [10, с. 114], перманентно порождая «внутрисистемные» противоречия. Посредством метадискурсивной рефлексии коллективный субъект способен осуществлять контроль над дискурсивной системой, совершенствуя ее как адаптивный механизм, поскольку «рефлексия как дискурсивное моделирование будущего, нацеленное на синхронизацию деятельности коллективного субъекта с динамикой природных процессов, предупреждает моменты анархии, сопряженные с неконтролируемым спонтанным поведением» [2, с. 263]. Если дискурсивные практики, как пишет Фуко, устанавливают свои «запреты, запруды, пороги и пределы... чтобы хоть частично овладеть стремительным разрастанием дискурса, чтобы его изобилие было избавлено от своей наиболее опасной части и чтобы его беспорядок был организован в соответствии с фигурами, позволяющими избежать чего-то самого неконтролируемого...» [14, с. 78] посредством детерминирования субъекта, то коллективный субъект посредством метарефлексии регламентирует объектный дискурс в целом.

Высказанные выше утверждения, на наш взгляд, соотносятся с размышлениями Ю. М. Лотмана о двухуровневом устройстве «культуры как коллективного интеллекта». Позволим себе пространную цитату: «Сознание человека гетерогенно. <...> в рамках одного сознания наличествует как бы два сознания. Одно оперирует дискретной системой кодирования и образует тексты, складывающиеся как линейные цепочки соединенных сегментов. В этом случае основным носителем значения является сегмент (= знак) (*дискурсивная практика* – М. С.), а цепочка сегментов (= текст) (*объектный дискурс* – М. С.) вторична, значение ее производно от значения знаков. Во втором случае текст первичен. Он является носителем основного значения. По своей природе он не дискретен, а континуален. Смысл его не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а “размазан” в *n*-мерном семантическом пространстве данного текста... Выделение составляющих его знаков затруднительно и порой носит искусственный характер», «...в обоих случаях мы обнаруживаем наличие... принципиально отличных способов отражения мира и выработки новой информации с последующими сложными механизмами обмена текстами между этими системами» [7, с. 159-160].

Вербальным воплощением метадискурсивной рефлексии является метадискурс (дискурс о дискурсе) – совокупность высказываний, эксплицирующих «историю» интердискурсивных взаимодействий, характеризующих объектный дискурс как познавательный и коммуникативный инструмент: состав, релевантность («степень соответствия» внеязыковому объекту и специфику практической применимости), особенности референции конституирующих его дискурсивных практик.

Следует заметить, что термин метадискурс в лингвистике не получил однозначного определения [12]. Не вдаваясь в рамках данной статьи в анализ существующих концепций, отметим общие тенденции в трактовке данного феномена, значимые для нашего исследования:

- как синкретичный по отношению к дискурсивной системе в целом коммуникативный продукт, метадискурс эксплицирует интердискурсивные связи, характеризует механизмы коммуникативной ассимиляции: отражает способность дискурсивных практик в составе объектного дискурса расширять свои границы, «проникать» в другой дискурс (дискурсивные практики);
- метадискурс интерсубъективен, так как «пространство метадискурса – это лингвокультурное пространство, в котором определенный вид дискурса подвергается обсуждению и оценке» [16, с. 334];
- поскольку метадискурс отражает синхронный срез рецепции дискурса на разных этапах его существования, характеризуя концептуальные параметры и доминантные смыслы «объекта рефлексии», он может быть использован как инструмент при описании диалектики дискурса;
- метадискурс эксплицитен. Его единицы представляют собой культурно-индуцированные знаки: прецедентные высказывания различной длины. В этом аспекте единицы метадискурса могут быть соотнесены с выделяемыми Б. М. Гаспаровым «коммуникативными фрагментами как “монадами” языкового опыта» [5, с. 124];
- метадискурсивную функцию могут выполнять некоторые фольклорные тексты. Например, текст песни «Жил-был Николка-самодержец всей Руси» ярко демонстрирует рекурсивную природу антиномичного исторического дискурса:

*«Жил-был Николка-самодержец всей Руси,
И хошь на рыло был он малость некрасив,
При ем водились караси,
При нем плодились пороси,
Ну в общем было чего выпить-закусить.
Но в феврале его маненечко того,
Тады всю правду мы узнали про его ...*

.....
*Жил-был товарищ Сталин, родный наш отец,
Он строил домны, строил ГЭС и строил ТЭС ...
Но тут кормилец наш нежданно того,
Тады всю правду мы узнали про его,
Что он марсизъм нарушал,
Что многих жизни порешал,
Что в лагеря загнал он всех до одного*
.....

*А мы по-прежнему все движемся вперед,
А ежели кто-нибудь случайно и помрет,
Так ведь на то она, история,
Та самая, которая ни столько, ни полстолька не совет!» [8];*

• как правило, единицы метадискурса имеют «свернутый» характер. Маркируя значимые узлы семиотического пространства объектного дискурса, они одновременно представляют собой векторы семиозиса – континуальные знаки, способные интердискурсивно расширяться и интрадискурсивно сужаться.

Например, в метадискурсе об истории России можно выделить два вида метадискурсивных высказываний¹: метонимические и метафорические. Метонимические высказывания выделяют прагматические установки дискурсивных практик: *официальная история; светская история; советский исторический дискурс; либеральный исторический дискурс; тоталитарный исторический дискурс; имперская история России; постмодернистская философия истории; прозападническая (русофильская, постперестроечная) концепция истории; новая версия истории России; нестандартные версии истории; националистические версии истории России; альтернативная версия российской истории; антисоветская версия; общепринятая версия российской истории* и т.п. Подобные высказывания возникают «на границе» дискурсивных практик, указывают на их разнообразие и конфликтный характер, маркируют дискурс-строй, зоны дискурсивного напряжения (*проклятые вопросы истории, большие вопросы истории*), эксплицируют «историю» интердискурсивных взаимодействий.

Унифицирующие метафорические высказывания стабилизируют «метонимическое рассеивание дискурса», так как характеризуют дискурс в целом (не закреплены за определенной ДП: у извлеченного из контекста высказывания этого типа невозможно определить «дискурсивное авторство»). Являясь концептуальными метафорами, они соотносят объект дискурса с его репрезентациями. Социокультурная рефлексия над историческим дискурсом отражает его основные характеристики: отсутствие центра, нестабильность, серийность, хаотичность, отсутствие семантической новизны при умножающейся информации (*переписывание, перелистывание, переделывание, перелицовывание, перекраивание, мистификация, фальсификация, искажение истории; модель, версия, вариант, трактовка, интерпретация истории; поворот, зигзаг, изгиб, переломный момент, разрыв времен, точки выбора, ключевые точки, «выбирая свою историю», «исторические развилки», историческая случайность, «бифуркационные точки» истории, пункты переломов, исторические перекрестки и развилки* и др.). Метадискурс, образуя своеобразный нарратив, онологизирует «недискурсивную природу» истории через «мотив подмены» и «мотив загадки и разгадки», сопоставляет дискурс об истории с гипотетически существующей *исторической правдой (исторической реальностью, подлинной историей, невыдуманной историей)*, «истина где-то рядом», она существует, но исторический дискурс ее *искажает (скрывает, пытается мифологизировать, выхолостить, уничтожить, опорочить, унижить, плюнуть в историю)*. У истории же есть *смысл (цель, значение, правда, ход исторического развития, логика)*, из истории можно и нужно *извлекать уроки*, ее можно *достигать (белые пятна истории; черные пятна истории; лабиринты истории; постижение истории; кто мы; в поисках стабильного прошлого; суд истории; исторический розыск; исторический процесс)* и *быть благодарным истории*. В метадискурсе акторы исторического дискурса определяются двумя категориями: «враги исторической правды» (*те, кто лишает права знать правду о своем прошлом; шарлатаны; предприниматели от истории; ангажированные политическим режимом историки; псевдоисторики; фальсификаторы; мистификаторы; псевдоборцы за историческую правду; команда специалистов по подделке исторических документов* и т.п.) и «пострадавшие» – *униженный историей социум*.

В заключение предварительного обзора метадискурсивных высказываний, которые, несомненно, нуждаются в тщательном исследовании, отметим два момента. Во-первых, утверждение «ностальгии в качестве матрицы исследования исторического опыта» [1, с. 369], стремление «избавиться» от его дискурсивной обусловленности (*почувствовать, ощутить, приблизиться к истории*), чему способствует *обострение исторического мышления*. Прослеживается тенденция к театрализованному представлению истории («*многокрасочность» истории*), что демонстрирует как распространение «театральных» метафор (*персонаж истории; историческое событие; историческая роль; роль в истории; драма истории; драматический период истории; драматичность русской истории; трагический день истории; трагическое событие русской истории; трактовка исторического сюжета; перемена декораций; исторический прообраз; исторический детектив* и т.п.), так и мода на «ретро» (фильмы, телевизионные передачи), исторические ток-шоу, интерактивные перформансы в исторических музеях.

Природу метадискурса можно объяснить с позиций лингвосинергетики, согласно постулатам которой, дискурс может рассматриваться как промежуточная адаптивная система, опосредующая связи субъекта с действительностью – инструмент симметризации «при длительном устойчивом взаимодействии» двух «несимметричных по отношению друг к другу динамических систем» [2, с. 195]. В случае объектного дискурса процесс симметризации осложняется тем, что конституирующие данный феномен дискурсивные практики взаимодействуют преимущественно конфликтным образом, снижая адаптивные возможности дискурса как

¹ Нижеприведенные примеры высказываний извлечены из разнообразных источников: школьных и вузовских учебников по истории России, научных и публицистических статей, исторических телевизионных ток-шоу, политических выступлений, предвыборных программ и др.

инструмента взаимодействия «мира субъективности» и «мира объекта» [6], осложняя «подстройку субъекта к образу мира» [2, с. 200]. Метадискурс в этом случае выступает как компенсаторный механизм, интегрируя прагматически гетерогенные дискурсивные практики в единую семиотическую систему, тем самым обеспечивая выполнение данной системой заданных коммуникативных функций.

В рамках объектного дискурса как коммуникативной системы субъект дискурса создает два продукта: один из которых «выходит из недр» определенной дискурсивной практики, прагматически «однозначен» и направлен в актуальное социальное пространство. Пользуясь терминологией Г. Г. Хазагерова, который противопоставляет «ближнюю» и «дальнюю» прагматики, разграничивая коммуникативные цели, преследуемые говорящими в непосредственной интеракции, в рамках определенного речевого акта, в котором субъекты речи отстаивают «свои “принципы”», и «коммуникативные цели, выходящие за пределы данного речевого акта и направленные на коммуникацию в целом» [15], можно сказать, что в рамках дискурсивной практики субъект решает задачи «ближней» прагматики.

Второй продукт, создаваемый коллективным субъектом в рамках системы объектного дискурса как перманентной интеракции «по поводу» некоторого социокультурно значимого феномена – метадискурс, – решает задачи «дальней» прагматики. Как пишет Г. Г. Хазагерова, характеризуя «дальнюю» прагматику, «категория дальней прагматики позволяет шире взглянуть на речевой акт, перебросить мост от речевого акта к дискурсу, понимаемому как система. Выражаясь фольклоризированным языком Солженицына, можно сказать, что говорящие так или иначе “обустраивают” свой дискурс» [Там же].

Метадискурс воссоздает – устраняет специфичное в пользу универсального (регулярного), поддерживая объектный дискурс как систему социокультурной коммуникации, определяя ее развитие, сохранение во времени и пространстве, независимость от отдельных коммуникативных актов.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
5. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
6. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
7. Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. 416 с.
8. **Официальный сайт телепередачи «Городок»** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorodok.tv/about_pressview?id=179 (дата обращения: 12.03.2012).
9. Плещеев Ю. Жертвы перестройки [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2008. 9 февраля. URL: <http://russ.ru/rss/feed/russ.rss> (дата обращения: 22.11.2012).
10. Уваров М. С. Третья природа: размышления о культуре и цивилизации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 252 с.
11. Уколова В. И. Историк в поисках ответа на вызов // Предисловие к кн. А. Дж. Тойнби. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. С. 5-17.
12. Федотова О. С. Понятие метадискурса в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 203-207.
13. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум; Касталь, 1996. 448 с.
15. Хазагерова Г. Г. Лексикографическое описание данных социологического опроса // Социологический журнал. 2003. № 2.
16. Чумак-Жуль И. И. Автометадискурс как составляющая поэтического дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 334-335.
17. <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/9/127.htm>

METADISCOURSE AS VERBAL EMBODIMENT OF COLLECTIVE SUBJECT REFLECTION OVER DISCOURSE ON HISTORY OF RUSSIA

Sekerina Margarita Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Eastern-Siberian State Academy of Education
msekerina@yandex.ru

The author substantiates the separation of metadiscourse - verbal embodiment of collective reflection on the antinominal nature of discourse on the history of Russia, considers the discourse on the history of Russia as object discourse - cognitive unity constituted by heterogeneous discursive practices, and determines the nature, components and functions of collective metadiscourse.

Key words and phrases: metadiscourse; metadiscursive reflection; metadiscursive statements; pragmatics; interdiscursive interaction.